

Владимир Соллогуб. Неоконченные повести.

OCR: Pirat

**Быть так! спасибо и за то.
Баратынский**

Кто знает Ивана Ивановича или, лучше, кто не знает Ивана Ивановича? Это, верно, все видели и привыкли видеть и, вероятно, никому не пришло в голову спросить, кто он такой. Таких людей много. Какое кому дело до человека без связей и без денег? В обществах Иван Иванович, разумеется, не бывает, но на Невском проспекте он гуляет аккуратно от двух до четырех часов, какая бы ни была погода. В театре и в концертах он также лицо неизбежное, отчего он и пользуется в мнении многих не весьма лестною известностью, хотя в самом деле он только страстный любитель музыки. Даже некоторые молодые люди утверждают решительно, что он игрок и притом самый опасный шулер, выжидающий добычи, тогда как бедный мой Иван Иванович отроду не брал и карт в руки. Иван Иванович одет всегда литератором, то есть очень дурно, гуляет в енотовой шубе, носит широкие черные фраки и длинные белые жилеты, и, как видно, мало заботится о своем наружном украшении. Вообще он слышит человеком опасным, потому что хотя ничего не имеет, но ничего не ищет и не просит.

Те же, которые знают его коротко, любят его от всей души, потому что он в самом деле просто добрый человек.

Я с ним иногда встречаюсь, и люблю слушать резкие его суждения о произведениях нашей литературы. Суждений этих я не повторю здесь, чтоб никого не обидеть, но в них, как отгадать не трудно, мало утешительного.

Вообще разговоры наши касаются до жалкого состояния у нас искусства, которое не вкоренилось еще в жизнь народную, не составляет необходимой потребности, а большею частью служит для изворотов жалким барышникам; тогда как истинное дарование, изнывая под бременем ненасытного самолюбия, иногда погибает в тени или спивается с круга.

Иван Иванович судит вообще резко и решительно; со всем тем невозможно назвать его положительным человеком; напротив, когда нет свидетелей и разговор касается до чувства, Иван Иванович изумляет меня тонким разложением малейших сердечных оттенков, и тогда этот человек, по-видимому бездушный, совершенно преобразовывается: речь его становится свободнее, душа как будто выглядывает из сверкающих глаз, и нетрудно догадаться тогда, глядя на него, что под этой бесчувственной корой бьется сердце, способное к самым глубоким впечатлениям. Но что заставило это сердце сжаться и съежиться под личиной равнодушия? что заставило бедного холостяка вести такую однообразную жизнь и пренебречь глупыми о нем толками? - вот что хотелось мне узнать.

Недавно обедали мы вместе у madame Joseph. Madame Joseph отлично кормит своих приятелей. После обеда мы оба закурили сигарки, и, развалившись на диване, начали разговаривать о том, как молодость утрачивается безвозвратно, оставляя нам лишь одно раскаяние, что мы не умели ею воспользоваться.

- Эта песня давно поется, - сказал Иван Иванович, - и никто от нее не поумнел. И я, как все...

- Кстати, - прервал я, - мне давно хотелось расспросить вас о вашем былом. Знаете ли, теперь, пока мы курим, расскажите-ка мне повесть вашей жизни.

Иван Иванович немного призадумался.

- Жизнь моя, - отвечал он печально, - не может назваться повестью, а разве собранием отдельных не оконченных повестей.

- Как неоконченных?..

- Именно неоконченных. Не знаю, много ли людей могут похвалиться тем, что светлые случаи их жизни достигли всего своего блеска и потом уже мало-помалу начали скрываться в тумане, бросая еще изредка яркие отблески? Со мною было иначе. Романы мои только заманивали мое сердце и потом вдруг прерывались при самой завязке.

- Отчего же так? - спросил я.

- Отчего? Сам не знаю; от случая, от игры обстоятельств. То светское приличие, то нежданная разлука, то собственная оплошность, то смерть все